

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Из истории
противораскольнической
миссии XVII века**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 11. С. 652-666.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Изъ исторіи противораскольнической миссіи XVII вѣка.

Поѣздка архимандрита Игнатія и протопона Іоанна Іоаннова въ Кинешму для увѣщанія раскольниковъ и составленное Игнатіемъ описаніе этой поѣздки.

I.

СРЕДИ рукописей покойнаго Ундольскаго, нынѣ хранящихся въ московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, подъ № 1383-мъ значится: „Книга о посылкѣ Новоспасскаго монастыря архимандрита въ Костромской и въ Кинешемской уѣзды во 195-мъ году къ раскольникамъ о увѣщаніи ихъ къ истинной вѣрѣ“. Подлинной „Книги“ въ Музеѣ нѣтъ, настоящая же рукопись есть копія ¹⁾, исполненная, надо думать, по порученію бывшаго владѣльца ея. Она написана славянскимъ текстомъ, съ титлами и надстрочными знаками. Въ текстѣ рукописи не разъ указывается имя упомянутаго въ ея заглавіи „архимандрита“,—говорится, что то былъ архимандритъ московскаго Новоспасскаго монастыря *Игнатій*. Но изъ содержанія памятника видно, что самъ Игнатій былъ и авторомъ его. Напримѣръ, упоминая о привѣтственной кинешемцамъ рѣчи, по поводу пріѣзда изъ Москвы въ Кинешму архимандрита Игнатія и протопона Іоанна, авторъ „Книги“ говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „архимандритъ и протопонъ, въ соборную церковь вшедши, къ собравшимся въ церкви народомъ воз-

¹⁾ Точный списокъ ея доставленъ намъ хранителемъ рукописнаго отдѣла въ Музеѣ Г. П. Георгіевскимъ, которому съ удовольствіемъ и выражаемъ здѣсь свою благодарность.

вѣщали милосердное жалованіе великихъ государей царей и благословеніе великаго господина святѣйшаго патріарха, что послали *насъ*, богомольцевъ своихъ, *меня*, архимандрита Игнатія, и протопопа Іоанна къ вамъ, на Кинешму“. Уже изъ этого мѣста видно, что авторомъ „Книги“ былъ одинъ изъ двухъ московскихъ на Кинешмѣ гостей, и именно тотъ, который произносилъ привѣтственную кинешемцамъ рѣчь,— архимандритъ Игнатій. Имя Игнатія, бывшаго въ 1687 году, когда состоялась подлежащая нашему обзорѣнію поѣздка въ Кинешму, архимандритомъ московскаго Новоспасскаго монастыря, достаточно извѣстно. Но нельзя сказать, что хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, о которомъ говорится въ нашемъ памятникѣ. Сколько мы знаемъ, подробности этого достопримѣчательнаго событія еще не были сообщены въ литературѣ по расколу, а то, что уже занесено на ея страницы, не имѣетъ надлежащей точности. Между тѣмъ рукопись, заглавіе которой мы выписали выше, какъ можно убѣдиться при внимательномъ чтеніи ея, представляетъ возможно полный и, повидимому, не односторонній сводъ относящихся къ данному факту частныхъ. Поэтому для исторіи противораскольнической миссии XVII вѣка она имѣетъ безспорно важное значеніе. Кромѣ того, рукопись нѣсколько восполняетъ фактическія свѣдѣнія по исторіи раскола вообще. Не говоримъ уже о томъ, что имѣемъ дѣло съ новымъ памятникомъ того пера, которое извѣстно и по другимъ сочиненіямъ о расколѣ. Въ виду всего этого, рѣшившись познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ даннаго произведенія XVII вѣка, печатаемъ вслѣдъ затѣмъ полностью и самый текстъ его.

Игнатій, архимандритъ новоспасскій, впоследствии митрополитъ тобольскій и сибирскій, происходилъ изъ дворянскаго рода Римскихъ-Корсаковыхъ и до постриженія въ монашество занималъ должность стольника при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ монашество Игнатій постригся въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1677 году и оставался здѣсь церковнымъ уставщикомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Отсюда онъ былъ переведенъ въ архимандрита сначала Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, а потомъ московскаго Новоспасскаго монастыря. 3 апрѣля 1692 года Игнатій былъ хиротонисанъ въ епископа съ возведеніемъ въ санъ митрополита сибирскаго и тобольскаго. Какъ архипастырь, вообще речностно заботившійся о благосостояніи своей паствы, Игнатій, въ

бытность свою на тобольской кафедрѣ, обратилъ вниманіе, въ частности, и на борьбу въ сибирскимъ расколомъ. Помимо личныхъ бесѣдъ съ тамошними раскольниками, въ 1696 году имъ были написаны направленные противъ раскольниковъ три окружныя посланія. Посланія напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ еще въ 1855 году; сообщены въ литературѣ и другія свѣдѣнія о дѣятельности этого святителя ¹⁾. Но о миссіонерской, для увѣщанія раскольниковъ, поѣздкѣ Игнатія въ Кинешму историки обычно повторяютъ только то, что въ свое время кратко было отмѣчено въ извѣстномъ „Словарѣ“ митрополита Евгенія,—что Игнатій ѣздилъ въ 1687 году, по повелѣнію патріарха, и оставилъ описаніе своей поѣздки. О ближайшихъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ послѣднюю, о лицахъ, которыя подлежали увѣщанію Игнатія, о характерѣ собесѣдованій его и ихъ результатѣ, наконецъ о судьбѣ самаго описанія поѣздки, по отсутствію фактическихъ данныхъ, или умалчивалось, или дѣлались произвольныя предположенія ²⁾. При этомъ и самый фактъ миссіонерской поѣздки Игнатія выступалъ у историковъ естественно лишь въ той блѣдной характеристикѣ, которая несколько не выдвигала его изъ ряда другихъ подобныхъ ему фактовъ. Случаевъ миссіонерскаго воздѣйствія на раскольниковъ въ XVII вѣкѣ было не мало, но извѣстія о нихъ дошли до насъ большею частію лишь крайне отрывочныя и потому въ историческомъ отношеніи малоцѣнныя. Между тѣмъ кинешемскія увѣщанія, по всѣмъ обстоятельствамъ ихъ вызвавшимъ и ихъ сопровождавшимъ, могутъ быть выдѣлены и занять особое мѣсто.

¹⁾ *И. Строевъ*. Списки іерарховъ. Спб. 1877, столб. 144. 317—18. 338.—Жур. мин. нар. просвѣщ. 1854, мартъ: „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Сибири“.—Странникъ. 1862, II, 157—167: „Игнатій Римскій-Корсаковъ, митрополитъ сибирскій и тобольскій.“ Ст. *Н. Абрамова*.

²⁾ *Евгеній*—„Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина“, I, 195.—Прав. Собесѣдникъ, 1855, кн. I: „Три посланія блаженнаго Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго“, стр. 4.—*Макарій*—„Исторія раскола“. Спб. 1855, стр. 244, прим. 434.—Свящ. *И. Горскій*—„Патріархъ всероссійскій Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ“: „Странникъ“, 1864, т. I, стр. 94.—Свящ. *П. Смирновъ*—„Іоакимъ, патріархъ московскій“. М. 1881, стр. 101.—*М. Чистяковъ*—„Дѣятельность русскаго духовенства по отношенію къ расколу:“ Прав. Обзорѣніе, 1887, т. II, стр. 695—696.

Все это мы увидимъ яснѣе, если обратимся къ болѣе подробному изложенію содержанія нашего памятника.

II.

27 августа 1687 года на имя архимандрита московскаго Новоспасскаго монастыря Игнатія и протопопа московскаго собора Черниговскихъ чудотворцевъ Иоанна Иоаннова послѣдовалъ указъ великихъ государей Иоанна и Петра Алексѣевичей и патріарха московскаго Иоакима: ѣхать архимандриту и протопопу въ Костромской и Кинешемскій уѣзды „увѣщать“ тамошнихъ раскольниковъ „отъ книгъ божественнаго писанія, чтобы они отъ злобъ своихъ и прелести престоли“ и „обратились бы въ покаяніе къ святой церкви“. Этотъ указъ состоялся по поводу челобитной, поступившей пезадолго предъ тѣмъ на имя государей и патріарха отъ кинешемскихъ раскольниковъ. Раскольники просили „прислать на Кинешму ученыхъ людей говорить о вѣрѣ“. Челобитная была прислана въ Москву съ раскольниковъ Тимоеемъ Максимовымъ, крестьяниномъ деревни Блиппихи Кинешемскаго уѣзда. Въстѣ съ челобитной Тимоеей подаль еще „письма“, т. е. тетради, содержащія пункты раскольниковскаго ученія и обвиненія противъ церкви. При допросѣ челобитчикъ открылъ и „товарищей“ своихъ, участниковъ даннаго дѣла. Таковыми, какъ видно изъ дальнѣйшихъ сообщеній нашего памятника, были: братъ Тимоея Василій Максимовъ, Кинешемскаго же уѣзда деревни Колокольцовой крестьяне Андрей Ивановъ съ сыновьями своими Θεодоромъ и Ивановомъ, Яковъ Андреевъ, его „товарищъ“ Аѳанасій и деревни Некрасихи крестьянинъ Трофимъ Михайловъ. Всѣ эти лица, какъ сами потомъ сообщили о себѣ, были даже неграмотны; но они послушались рѣчей побывавшаго въ ихъ мѣстности расколоучителя, нѣкоего Ивана Страннаго. „Челобитную“ же и „письма“ имъ написалъ ихъ мѣстный дьякъ Иванъ Прокопьевъ. Получивъ указъ, архимандритъ Игнатій и протопопъ Иоаннъ немедленно стали приготовляться въ путь и, ровно чрезъ недѣлю, 3 сентября, выѣхали изъ Москвы. Челобитчикъ, вышеназванный, Тимоеей Максимовъ, былъ отправленъ на родину рабѣ; его поручили надзору полковника Димитрія Жукова и обязали къ пріѣзду въ Кинешму Игнатія и протопопа Иоанна разыскать вышеназванныхъ своихъ „товарищей“, чтобы, такимъ

образомъ, просимья раскольниками собесѣдованія о вѣрѣ дѣйствительно состоялись.

Въ Кинешму архимандритъ Игнатій и протопопъ Іоаннъ прибыли 12-го сентября. Мѣстное городское духовенство во главѣ съ соборнымъ протопопомъ Іоанномъ Матвѣевымъ и при участіи нѣкоторыхъ гражданъ устроили почетнымъ и высокопочиночнымъ гостямъ встрѣчу. Прибывшіе тотчасъ прослѣдовали въ соборъ и тамъ Игнатіи объявилъ собравшемуся народу цѣль своего пріѣзда. Великіе государи и святѣйшій патріархъ,—говорить онъ,—„послали насъ, богомольцевъ своихъ, меня архимандрита Игнатія и протопопа Іоанна, къ вамъ на Кинешму,—васъ, во благочестіи православныхъ вѣры твердо и непревратно стоящихъ, укрѣплити; а колеблющихся въ малодушествіи о православной вѣрѣ утѣшати, дабы не волновались помышленіями своими и не слушали бы ученія злыхъ отступниковъ, поучающихъ отбѣгати отъ святыя церкви; а буде которые ихъ прелестнымъ отступническимъ ученіемъ отъ церкви святой отбѣгли, и они бы обратилися ко святой церкви“. Намѣтивъ такую программу своихъ дѣйствій, миссіонеры приступили къ ея осуществленію въ слѣдующій же день. Сначала нѣсколько дней было посвящено вразумленію православныхъ. Въ соборѣ и въ другихъ церквяхъ совершались богослуженія, не одинъ разъ торжественныя, а потомъ вниманію слушателей предлагались „поученія“ и „бесѣды“.

13-го сентября послѣ обѣдни въ соборѣ Игнатіемъ было предложено „толкованіе о святой церкви и о божественной литургіи“ и прочтано „о четвероконечномъ крестѣ“.

14-го сентября, въ день праздника Воздвиженія честнаго креста, соборную литургію совершали: архимандритъ Игнатій, прибывшій съ нимъ протопопъ Іоаннъ Іоанповъ, кинешемскій протопопъ Іоаннъ Матвѣевъ, три священника и три діакона. Поученіе было сказано Игнатіемъ—„отъ псалма 33-го“, причемъ 17-й стихъ: „лице Господне на творящія злая“,—былъ „протолкованъ на раскольниковъ“. „Отъ святыя церкви отступивше“, раскольники стали, по выраженію проповѣдника, „яко пси нечистіи“: они не имѣютъ ни архіерея, ни священника, чтобы крестить дѣтей, приходятъ на исповѣдь, рождающимъ женамъ очищаться молитвами, и пр. и пр. Раскольники „хулятъ животворящій святыи четвероконечный крестъ, коимъ все христіанство знаменуется“. Предложивъ при этомъ

изъ книги „Жезтъ правленія“ чтеніе „возобличенія“ 23-го о четвероконечномъ крестѣ, проповѣдникъ присоединилъ сюда же и „возобличеніе“ 30-е о молитвѣ Иисусовой.

Въ тотъ же день послѣ вечерни снова была бесѣда къ народу. На этотъ разъ ее велъ спутникъ Игнатія, вышеупомянутый черниговскій протопопъ Іоаннъ Іоанновъ. Сначала онъ предложилъ дневное чтеніе изъ Воскреснаго Евангелія; потомъ „много отъ писаній приведе о добродѣтельномъ житіи“ и сопоставилъ съ этими свидѣтельствами „многую капитонскую лествъ“; въ заключеніе „привелъ о погибеліи галилеянъ, писанной въ Евангеліи Луки“, поясняя, что и раскольникамъ надлежитъ покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ церкви, чтобы не пострадать подобно галилеянамъ. Когда протопопъ Іоаннъ окончилъ свою рѣчь,—всталъ архимандритъ Игнатій и, по собственному его выраженію, „возгласилъ“: „слышали, возлюбленные христіане, словеса божественныхъ писаній, яже изрече священный протопопъ, яко вельми пользующая ко спасенію,—потщитесь убо не точію слышати, но и творити я“, по писанію: „не слышателіе бо закона, но творцы оправдятся предъ Богомъ“. Потомъ архимандритъ повелъ рѣчь о „началѣ“ крещенія Руси,—какъ святой князь Владиміръ былъ крещенъ въ Корсунѣ и какъ принесъ изъ Корсуни святой крестъ, который хранится „и до нынѣ въ соборной церкви на Москвѣ“. Проповѣдникъ имѣлъ въ виду показать въ противовѣсъ ученію раскольниковъ, конечно, то, что корсунскій крестъ имѣетъ четвероконечную форму. „И посемъ и паки на раскольниковъ вкратцѣ о четвероконечномъ крестѣ и о молитвѣ Иисусовѣ и о сложеніи перстовъ и о сожигательствѣ“ раскольниковъ.

Черезъ два дня, 17 сентября, въ день памяти святой великомученицы Софіи, по случаю именинъ царевны Софьи Алексѣевны, въ кинешемскомъ соборѣ опять было совершено торжественное богослуженіе, въ томъ же составѣ служащихъ, что и 14 сентября, съ положеннымъ многолѣтіемъ царствующему дому. Послѣ литургіи было „поученіе—отъ Бесѣды на Посланія Апостольская святаго Іоанна Златустаго, и къ тому“,—добавляетъ Игнатій,—„паки приложихъ о вхожденіи во святую церковь, яко подобаеть непрестанно приходить и не удалитися отъ нея“. Нѣкоторые, по внушенію раскольническихъ учителей, потому отбѣгали отъ церкви,

что не признавали благодатнымъ освященіе храмовъ, на томъ должномъ основаніи, что хожденіе съ иконами вокругъ храмовъ, при освященіи ихъ, совершается не по солнцу, а противъ солнца. Поэтому Игнатій подробно говорилъ и о церковныхъ кругохожденіяхъ.

Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ одиннадцати дней, надо думать, впрочемъ, съ промежутками, „увѣщательныя поученія къ благочестивымъ христіанамъ и о обращеніи раскольниковъ“ архимандритъ Игнатій и протопопъ Іоаннъ произносили въ разныхъ церквахъ города и каждый отдѣльно.

Наконецъ 29 сентября полковникъ Димитрій Жуковъ, подъ надзоромъ котораго приходившій въ Москву съ челобитной раскольникъ Тимошей Максимовъ долженъ былъ отыскать сообщниковъ своего дѣла, представилъ послѣднихъ московскимъ миссіонерамъ. Поэтому теперь началось „увѣщанія и бесѣды“, обращенныя собтвенно къ раскольникамъ. Первое разглагольствіе происходило на святительскомъ дворѣ, наединѣ, присутствовалъ лишь названный полковникъ Жуковъ. Раскольниковъ было семь человекъ. Какъ только вошли они, архимандритъ и протопопъ, вставъ, произнесли молитву: „Слава Отцу“, „Господи помилуй“, трижды, и „Владыко многомилостиве“. Потомъ миссіонеры сѣли, а раскольники стояли. Игнатій спросилъ раскольниковъ: „Кто вы и какой вѣры?“— Раскольники отвѣтили: „Мы христіане, вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа, сына Божія, сотворившаго небо и землю“.— „Вы ли съ товарищи своими прислали къ великимъ государямъ и святѣйшему патріарху къ Москвѣ съ письмами товарища своего Тимошку Максимова и приказали бить челомъ, чтобы къ вамъ прислать на Клепешму ученыхъ людей говорить о вѣрѣ?“— Когда раскольники отвѣтили на это утвердительно, то архимандритъ, замѣтивъ, что „православная вѣра сія есть, еже вѣровать во имя Отца и Сына и Святаго Духа и исповѣдывати Символь вѣры“,— прочиталъ послѣдній весь до конца, сказать къмъ Символь составленъ и утвержденъ, и въ заключеніе спросилъ раскольниковъ: „Вы убо такъ ли вѣруете?“— „Мы грамотѣ не знаемъ, — отвѣтили тѣ, — только говоримъ, что новыя вѣры не пріемлемъ и креста Христова трисоставнаго не отлучаемся; а какъ вѣруемъ, и то у насъ написано въ письмахъ, что къ великимъ государямъ послали“.— Архимандритъ спросилъ: „Въ вашемъ письмѣ четвероконечный крестъ на просфорахъ названъ „образомъ мерзкимъ“,—

„въ которомъ писаніи такую хулу на крестъ святой обрѣтосте?“—Раскольники сказали: „То учитель написать, а мы того не знаемъ.“—Когда архимандритъ замѣтилъ, что раскольники хулить тотъ самый четвероконечный крестъ, образомъ котораго знаменаются всѣ хрістіане, и прибавилъ, намекая на первую статью „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича, что „прежде сего“ такихъ хульниковъ „ради худенія единого“ казнили „градскимъ закономъ“, то раскольникъ Василій Максимовъ сказалъ: „У васъ—то и здумано, что насъ мучити,—ино мучьте, а мы старой вѣры не покншемъ“.—Игнатій подтвердилъ, что если раскольники „учинятся противны воли церкви“, то дѣйствительно „постраждутъ“, какъ указано то въ градскомъ законѣ, хотя онъ, архимандритъ, пріѣхалъ въ Кинешму съ протопопомъ вовсе „не для мученія“ раскольниковъ.—Раскольники на это сказали: „Мы церкви святой истинной не противимся, той, въ которой на просфорахъ крестъ осмиконечный, а не крѣзь латинскій“.—Когда архимандритъ обстоятельно разъяснилъ, что это возраженіе основано на непониманіи слова „крѣзь“ и ничего кромѣ хулы въ себѣ не заключаетъ,—раскольники выдвинули другое: „Вы,—сказали они,—въ антихриста велите щепотію креститься“.—Игнатій отвѣтилъ, что православные слагаютъ три перста во имя Св. Троицы, а не во имя антихриста“.—Раскольники продолжали: „Вы тремя перстами креститесь въ Святую Троицу и тѣмъ Троицу распинаете“.—Игнатій на примѣрѣ пояснилъ, что нельзя произвольно навязывать троеперстію такой смыслъ, какого, по вѣрѣ употребляющихъ его, оно не имѣетъ. „Крещается человекъ въ Троичное имя, ежесть во Отца и Сына и Святаго Духа, и спогребается Христу крещеніемъ въ смерть, и тамо не глаголется, яко Троица погребена была, тако и въ знаменіи крестномъ страсть Святой Троицы прилагати не прилично“.—Раскольники говорили еще: „Вы съ креста Христова осмиконечнаго главу стерли“, разумѣя образъ положенія тѣла на верхнемъ концѣ креста.—Игнатій основательно отвѣтилъ, что будетъ ли положено тѣло выше, на концѣ продольнаго древа креста, какъ видимъ въ нѣкоторыхъ древнихъ изображеніяхъ, или же дщица для тѣла будетъ „къ древу ниже верха прибита“, разности въ вѣрѣ чрезъ то не произойдетъ.—И еще возражали раскольники: „Вы нѣмѣ церкви свяцаете не со солнцу, ходите кругъ ея налѣво, а не направо, и всю ее заплевасте“,—птому что

„человѣку вѣдно плевать на лѣвую сторону“.—Въ отвѣтъ на это миссіонеры сказали, что „церковь святая служить Умному Солицу, Христу Богу, а не чувственному“, и, значитъ, дневной путь послѣдняго въ разсуждаемомъ случаѣ непричемъ, что, затѣмъ, „егда бо изыдутъ изъ церкви“, при освященіи ея, „и станутъ лицомъ прямо къ востоку“, то „правая рука будетъ—южная страна“, и, значитъ, православные совершаютъ кругохожденіе направо, а не налѣво, и что, наконецъ, „еже плевати человѣку на которую страну—того въ писаніи не обрѣтается, а плевати бы кому на церковь— послѣдняго сіе есть безумства, наче же рещи и отступства“, и если къ кому такое неподобное дѣяніе возможно отнести, хотя бы и въ переносномъ смыслѣ, то развѣ къ самимъ раскольникамъ, въ порывѣ хулы на церковь называющимъ святой крестъ „образомъ мерзкимъ“.

Въ заключеніе миссіонеры пытались указать на то, что въ церкви греко-россійской, противъ которой возстаютъ русскіе раскольники, управляютъ патріархи: цареградскій, іерусалимскій и московскій, что къ ней же принадлежатъ и великіе государи цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, всей Россіи самодержцы. Но раскольники отвѣтили на это въ томъ смыслѣ, что еретикамъ негдѣ и быть кромѣ церкви еретической: „Вы всѣ еретики“,—сказалъ раскольникъ Василій Максимовъ, какъ видно, на этотъ разъ, болѣе другихъ смѣлый и рѣчистый. Послѣ такихъ дерзкихъ словъ архимандритъ счелъ нужнымъ прекратить увѣщаніе и велѣлъ выслать раскольниковъ вонъ. Изъ всей первой бесѣды миссіонеры вынесли убѣжденіе, что „послушанія“ отъ раскольниковъ „ждать нечего“ и потому предложили полковнику Жукову „отвести ихъ за-карауль“.

На слѣдующій день, 30 сентября, состоялось увѣщаніе при иной обстановкѣ, публично, но и опять безъ благопріятнаго результата. Раскольники были приведены въ церковь Казанской иконы Божіей Матери, къ литургіи. Любопытно, что „раскольникъ Андрюшка, впадѣ въ трапезу, святымъ иконамъ кланялся и крестное знаменіе на себѣ полагалъ, только двѣма персты“; между тѣмъ дѣти его, какъ и прочіе раскольники, „не перекрестились никако и стояли въ трапезѣ что болваны“. Любопытна одна частность и въ дальнѣйшемъ поведеніи раскольниковъ. Когда, послѣ литургіи, служившій священникъ Іоаннъ Харитоновъ, по приказанію

Игнатія, вышелъ „съ крестомъ святымъ, чтобы тѣхъ раскольниковъ ко кресту привести“ и „началъ ихъ крестомъ благословлять“, то раскольники „отвращались“, говоря: „буде осѣнишь насъ крестомъ, мы ко кресту пойдёмъ“. Игнатій сначала на это замѣтилъ, что „крестомъ святымъ священникъ обще всѣхъ осѣняетъ, и того ради всякому человѣку точію дѣловати подобаеть святой крестъ“. Но раскольники снова „просили, чтобъ ихъ осѣняли крестомъ“. Тогда,—говоритъ Игнатій,—„мы ихъ обращенія ко святой церкви хотя, осѣня ихъ, благословили по ихъ прошенію, прилагая святой крестъ къ челу и къ скараніямъ ихъ“, т. е. къ одеждѣ. Казалось бы, это свидѣтельствовало о склонности раскольниковъ къ „обращенію“ и „раскаянію“. Казалось бы, этому благоприятствовала и вся обстановка увѣщанія. Игнатій велъ подробную рѣчь о перстосложеніи, о молитвѣ Иисусовой, о пятипросфоріи; рассказалъ, какъ святой Макарій Египетскій воскрешеніемъ мертвеца обратилъ къ церкви „отступника“ отъ нея; послѣ литургіи, свидѣтелями совершенія которой раскольники были сами лично, обратилъ ихъ вниманіе на то, что „во святой церкви святая служба совершается по прежнему преданію“, и „молилъ“ раскольниковъ „со всякою кротостію, чтобы они все злое свое смышленіе противства оставили“. Но результатъ получился совсѣмъ противоположный. Отнимая у увѣщателей рѣшительно всякую надежду на успѣхъ, увѣщаемые сказали въ заключеніе: „Отъ насъ больше того ничего не услышите, что мы вашего ничего не приедемъ“. Правда, раскольникъ Иванъ Андреевъ „обратился было“, — въ тотъ же день заявилъ о своемъ раскаяніи. Но это было сдѣлано лицемерно. Когда, на слѣдующій день, архимандритъ и протопопъ ожидали отъ „обратившагося“ письменной „повинной“,—принесли извѣстіе, что Андреевъ „изъ-за караула ушелъ невѣдомо куды“.

3-го октября миссіонеры снова дали знать полковнику Жукову, чтобы прислалъ на святительскій дворъ раскольниковъ Андрея Иванова и Тимофея Максимова „для разговору“. Однако „многое увѣщаніе“ и на этотъ разъ не привело ни къ чему. На всяческіе доводы увѣщаемые „чинились во всемъ не послушны“; фанатично заявляли, что они готовы пострадать по примѣру „отца Аввакума протопопа“; о православныхъ, въ томъ числѣ и высочайшихъ особахъ, отзывались крайне рѣзко, особенно Тимофеей Максимовъ; твердили, что отъ

нихъ „ни письма, ни рѣчей не будетъ“, кромѣ того, что написано въ посланныхъ на Москву челобитной и тетрадяхъ; и „повиновенія“ не будетъ, и что, поэтому, нечего понапрасну тратить время и слова для увѣщанія ихъ. Видя все это, миссіонеры объявили увѣщаеваемъ, что, въ такомъ случаѣ, ихъ миссія окончена. „Великіе государи и святѣйшій патріархъ, по вашему челобитію, присылали насъ къ вамъ, чтобы вамъ разумъ отъ божественныхъ писаній подати и ваше сумнѣніе разрѣшити“; — „и вы въ томъ послушанія сотворити не восхотѣсте: сего ради буди кровь ваша на главахъ вашихъ, святая церковь нынѣ уже отъ того свободна, не обинуяся бо сказахомъ вамъ всю волю Божию и святія церкви“. Сказавъ это, Игнатій велѣлъ отвести раскольниковъ къ полковнику Жукову на съѣзжій дворъ. Въ этотъ разъ миссіонеры дали разъясненія на возраженія раскольниковъ объ антиминосѣ и о пятипросфоріи.

Но на слѣдующій день миссіонеры были свидѣтелями переменъ. Еще наканунѣ, т. е. 3-го октября, когда происходило описанное сейчасъ увѣщаніе, Игнатію и протопопу было доложено, что раскольники Андрей Ивановъ, Яковъ Андреевъ и Трофимъ Михайловъ, сидя за-карауломъ на съѣзжемъ дворѣ, повидимому выражаютъ намѣреніе отказаться отъ раскола, — „говорили межъ себя, что они напрасно ученія слушали раскольщика Ивашки Страннова, и чтобы имъ пакн обратитися ко святой церкви“. 4-го октября, приведенія въ соборъ къ литургіи, эти лица дѣйствительно подали повинную челобитную, на имя патріарха Іоакима, за подписью соборнаго священника Григорія Θεодорова. Отрекаясь отъ раскола и его ученія, они, между прочимъ, писали: „Нынѣ мы, слыша Спаса-Новаго монастыря архимандрита Игнатія отъ книгъ божественнаго писанія правое ученіе, въ той своей противности великимъ государемъ и тебѣ святѣйшему патріарху принесли повиновеніе, и святой церкви повинуемся, какъ божественное писаніе повелѣваетъ, и въ церковь Божию ходить будемъ, безъ всякаго лицемѣрія и не лестно“. Принявъ челобитную и „утвердя“ „раскаившихся“ отъ „словесъ божественнаго писанія“, Игнатій и протопопъ Іоаннъ дали кинешемскому протопопу Іоанну Матвѣеву наказъ „смотреть, каково ихъ впредь послушаніе ко святой церкви будетъ“.

„Оставшіеся въ противленіи“ раскольники, вышеназванные

Тимоѳеѣ, Василіѣ, Аванасіѣ и Ѳеодорѣ „отданы“ были полковнику Жукову на съѣзжій дворъ.

5-го октябрі миссіонеры выѣхали изъ Кинешмы въ обратный путь.

III.

Таково въ краткомъ изложеніи содержаніе разсматриваемой нами „Книги“, принадлежащей перу архимандрита Игнатія. Нѣкоторые черты или частности описываемаго въ ней факта настолько примѣчательны, что вызываютъ на историческія справки и общее освѣщеніе предмета.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе обстоятельства, вызвавшія миссіонерское посольство изъ Москвы въ Кинешму,—извѣстіе о *челобитной* кинешемскихъ раскольниковъ. Челобитныя—обычное явленіе въ первое время существованія раскола. А объясняется оно тѣмъ, что руководители раскола тогда еще не теряли надежды на восстановленіе старыхъ церковныхъ порядковъ. Діаконъ Ѳеодоръ, одинъ изъ видныхъ первыхъ расколоучителей, рассказываетъ о двухъ своихъ видѣніяхъ, служившихъ отвѣтомъ на его моленіе: „будетъ ли конецъ никоніанской прелести“? и хотя въ заключеніе оставляетъ вопросъ не рѣшеннымъ, однако ему, очевидно, не хотѣлось дать отвѣта отрицательнаго. Въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума уже весьма перѣдко встрѣчается та мысль, что нужно ждать „поправленія о Христѣ Исусѣ“.— „Я надѣюсь, говорилъ онъ, что Господь прекратитъ дни сіи“. Подобныя же надежды не чужды были также попу Лазарю и иноку Авраамію, также весьма виднымъ первоапостоламъ раскола ¹⁾ Отсюда—челобитныя, съ которыми названные расколоучители обращались не только къ царю, но и къ патріарху. Обыкновенно челобитчики просили царя разсудить между ними и ихъ противниками, причемъ требовали, чтобы судъ не былъ „заочнымъ“. Царь долженъ дать имъ, челобитчикамъ, „очную ставку со властью“ духовными и съ „книжниками“. Она должна происходить при участіи цѣлаго общества раскольниковъ, для чего заключенныхъ слѣдуетъ освободить, а разбѣжавшихся собрать, и въ присутствіи кого-либо изъ царскаго синклита, а лучше -- самого царя, чтобы

¹⁾ Мат. для ист. раск. VI, 94 — 95; V, 241. 250; VIII, 38. 41. 56; IV, 267—268; VII, 404; „Хр. Чтеніе“, 1888, I, 747—748.

онъ самъ слышалъ всякое слово. Очевидно раскольники надѣялись, что при такихъ условіяхъ торжество будетъ на ихъ сторонѣ: защитники никоніанства останутся безотвѣтными и неизбежно должны будутъ возвратиться къ старымъ церковнымъ порядкамъ. Такъ было въ самое первое время, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ¹⁾).

Но ни печальный, съ точки зрѣнія раскола, исходъ этого царствованія, закончившагося казнью соловецкихъ мятежниковъ, ни казнь пустозерскихъ заточниковъ, имѣвшая мѣсто въ концѣ царствованія Θεодора Алексѣевича, надеждъ раскольническихъ не разрушили. Челобитныя повторялись и при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, а въ самомъ началѣ слѣдующаго царствованія подача челобитныхъ сопровождалась, какъ извѣстно, смутою 5 іюля 1682 года. Только послѣ неудачи этой послѣдней, послѣ новыхъ казней и заточеній и особенно послѣ опубликованія жестокаго закона 1685 года, которымъ подъ страхомъ смертной казни было воспрещено самое содержаніе раскола, энергія борцовъ „за старую вѣру“, въ смыслѣ попытокъ добиться ея торжества, ослабѣваетъ. Пятнадцать лѣтъ упорнаго труда, достойнаго лучшаго примѣненія, смѣняются повидимому полнымъ и какъ будто повсюднымъ разочарованіемъ, и расколъ, отказываясь отъ мысли о преобладаніи, слѣзигь въ пустыни, чтобы тамъ спасти свои „малые остатки“. Но вотъ съ челобитною раскольниковъ мы встрѣчаемся даже въ 1687 году. Нашъ памятникъ свидѣтельствуетъ, что она принадлежала кинешемскимъ раскольникамъ. Новый, доселѣ остававшійся неизвѣстнымъ, фактъ. Ни самая челобитная, ни тетради, служившія основаніемъ для нея, пока не найдены, а можетъ быть исчезли и навсегда. Но тѣмъ болѣе цѣнно извѣстіе, содержащееся въ разсматриваемой „Книгѣ“. Оно сообщаетъ о событіи крупномъ и въ высшей степени любопытномъ. Въ свое время эта челобитная обратила на себя вниманіе великихъ государей и святѣйшаго патріарха, которые, значить, придавали ей важное значеніе. Въ отвѣтъ на челобитную слѣдуетъ царскій и патріаршій указъ на имя двухъ видныхъ представителей интересовъ и защиты церкви, повелѣвавшій незамедлительно совершить далекое путешествіе, чтобы просьба раскольниковъ ни подъ какимъ видомъ не осталась безъ удо-

¹⁾ *И. Смирновъ*. Исторія раскола. Изд. 2. Спб. 1895. § 15.

влетворенія. Ясное дѣло, что игнорировать данную челобитную, оставить ее безъ отвѣта признавалось тогдашнею высшею церковною властію безусловно вреднымъ для церкви. Вѣроятно въ челобитной замыслы и намѣренія челобитчиковъ проглядывали ясныя, чѣмъ мы можемъ судить о нихъ по сообщеніямъ, передаваемымъ Игнатіемъ, и патріархъ Іоакимъ легко усмотрѣлъ ихъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать о нихъ извѣстныя предположенія, сколько научилъ его опытъ. Предположенія же здѣсь дѣйствительно могутъ быть любопытныя. Кинешемскія раскольники проявили желаніе вступить въ письменныя и словесныя объясненія со „властями“ и „учеными“. Не взирая на угрозу закона смертною казнью за одну только принадлежность къ расколу, кинешемцы не только открыто объявляютъ себя раскольниками и письменно излагаютъ свое ученіе, но рѣзко, съ похуленіемъ отзываются объ ученіи православномъ и выражаютъ свое желаніе вступить по этому поводу въ открытыя состязанія. Ужели они приглашали „ученыхъ“ только для того, чтобы разсѣять закравшееся въ ихъ головы сомнѣніе о правильности ученія православной церкви и послѣ того навсегда оставить расколъ? Или, быть можетъ, они просто желали отдать себя въ руки правосудія и лишь искали случая пострадать за „старую вѣру?“ Нѣтъ,—дальнѣйшее поведеніе инициаторовъ челобитной, когда они, въ концѣ концовъ, раздѣлились на двѣ части, не оправдываетъ ни то, ни другое изъ этихъ двухъ предположеній. Тутъ цѣль была, надо думать, другая. Какая же?

На челобитную кинешемскихъ раскольниковъ едва ли нельзя смотрѣть какъ на нѣкоторый отголосокъ тѣхъ надеждъ, которыя, какъ мы указали выше, такъ сильно воодушевляли предводителей раскола въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ его существованія. Какъ видно изъ разсужденій участниковъ въ дѣлѣ кинешемской челобитной, изложенныхъ въ нашемъ памятникѣ, среди кинешемскихъ раскольниковъ еще слишкомъ жива была память о протопопѣ Аввакумѣ, казненномъ хотя и далеко, въ Пустозерскѣ, но и оттуда хорошо извѣстномъ всему раскольническому міру. Возможно, поэтому, предположить, что и пророчество Аввакума о „прекращеніи дней сихъ“, т. е. господства никоніанства, извѣстное, конечно, и кинешемцамъ, еще не потеряло своего обаянія для нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Правда, Аввакумъ уже казненъ, но онъ до конца жизни не разставался съ своей

надеждой. Пять лѣтъ тому назадъ, увлекаемые тою же надеждою, дѣйствовали въ Москвѣ инокъ Сергій и попъ Никита, также по благословенію Аввакума, почти уже предсмертному. Они тоже казнены или заточены, но пользу дѣла не слѣдуетъ измѣрять числомъ жертвъ. Весьма возможно, что одинаковая участь постигнетъ и ихъ, кинешемцевъ, но надежда не должна умирать и къ достиженію цѣли нужно стремиться всякому и всюду“. Таково могло быть теченіе мыслей въ головѣ кинешемскихъ челобитчиковъ, послѣ того какъ они „всему“ были научены и во „всемъ“ наставлены бродячимъ расколоучителемъ Иваномъ Страннымъ. Подвизавшіеся пять лѣтъ тому назадъ упомянутые Сергій и Никита находились въ Москвѣ, подъ сильною охраною стрѣльцовъ; поэтому они могли надѣяться, какъ и дѣйствительно надѣялись, на полное возстановленіе „старой вѣры“, ударомъ одного дня и для всѣхъ мѣстъ. Расчеты кинешемскихъ раскольниковъ были, конечно, гораздо скромнѣе, потому что никакой внѣшней силы за своею спиною послѣдніе не имѣли. Но и этотъ захолустный успѣхъ,—торжество раскола не въ стѣнахъ московскаго Кремля, а въ далекой Кинешмѣ,—не могъ, всетаки, не рисоваться раскольникамъ въ высшей степени выгоднымъ для дѣла *всего* раскола.

Но такъ это было или иначе, во всякомъ случаѣ для *мѣстнаго* раскола кинешемскіе челобитчики искали *многого*. Ихъ челобитная, какъ по всему надо полагать, если не прямо требовала, то безусловно подразумѣвала полную для раскола свободу. Приглашеніе „ученыхъ людей“ составляло лишь условіе болѣе пышной обстановки, чтобы, когда „ученые“ защитники никоніанства будутъ посрамлены публично, въ чемъ самообольщеніе раскольниковъ не колебалось,—народъ самъ собою, безъ успѣшнѣй пропаганды, пошелъ бы въ „старую вѣру“. Поэтому-то послѣднимъ словомъ и устныхъ заявленій со стороны кинешемцевъ, въ отвѣтъ на запросы прибывшихъ къ нимъ московскихъ миссіонеровъ Игнатія и протопопа Іоанна, было требованіе полной „воли противъ“ того „письма“, которое было отправлено кинешемцами ранѣе къ царямъ и патриарху ¹⁾).

П. Смирновъ.

¹⁾ Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки